

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-339-366>

<https://elibrary.ru/WMHSRV>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. *Стефано Гардзонио, Бьянка Сульпассо*

ПЕРЕПИСКА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С ДЖ. ПАПИНИ

Аннотация: В статье воссоздается история отношений между Вячеславом Ивановым и Джованни Папини на основе архивных материалов, хранящихся в архиве Примо Конти во Фьезоле и в Центре исследований Вячеслава Иванова в Риме. Материалы анализируются в контексте активных связей Джованни Папини с русской культурой и литературой, а также с представителями русской эмиграции в Италии.

Ключевые слова: русская эмиграция в Италии, Джованни Папини, Вячеслав Иванов.

Информация об авторах:

Стефано Гардзонио — профессор славистики (русского языка и литературы), Пизанский университет, виа Санта-Мария, д. 36, 56126 г. Пиза, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9316-9758>

E-mail: stefano.garzonio@unipi.it

Бьянка Сульпассо — профессор русской литературы, Римский университет Тор Вергата, виа Колумбия, д. 1, 00133 г. Рим, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0277-4042>

E-mail: bianca.sulpasso@uniroma2.it

Для цитирования: *Гардзонио С., Сульпассо Б. Переписка Вячеслава Иванова с Дж. Папини // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 339–366.*
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-339-366>

CORRESPONDENCE BETWEEN VYACHESLAV IVANOV AND G. PAPINI

Abstract: This contribution reconstructs the relationships between Vyacheslav Ivanov and Giovanni Papini, drawing from archival materials stored at the Primo Conti Archive in Fiesole and the Vyacheslav Ivanov Study Center. It also explores the backdrop of Giovanni Papini's deep connections with Russian culture and literature, as well as his interactions with representatives of the Russian emigration in Italy.

Keywords: Russian emigration in Italy, Giovanni Papini, Vyacheslav Ivanov.

Information about the authors:

Stefano Garzonio, Professor of Slavic Studies (Russian Language and Literature),
University of Pisa, via Santa Maria 36, 56126 Pisa, Italia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9316-9758>

E-mail: stefano.garzonio@unipi.it

Bianca Sulpasso, Associate Professor of Russian Language and Literature, Tor
Vergata University of Rome, via Columbia 1, 00133 Roma, Italia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0277-4042>

E-mail: bianca.sulpasso@uniroma2.it

For citation: Gardzonio, S., Sulpasso, B. "Correspondence Between Vyacheslav Ivanov and Giovanni Papini." *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 339–366. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-339-366>

Вступление¹

В связи с подготовкой «Пушкинских поминок» в Италии Вяч. Иванов писал А.В. Амфитеатрову в письме от 23 августа 1935 г.:

¹ Данная статья является результатом совместной работы двух авторов, в частности, первая глава принадлежит Стефано Гардзонио, а вторая — Бьянке Сульпассо. Работа по публикации писем также является результатом совместного труда и формально распределена следующим образом: Стефано Гардзонио (Письма Дж. Папини. РАИ. Оп. 5. К. 19. П. 6. Papini), Бьянка Сульпассо (Fondazione Primo Conti, Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche di Fiesole, Archivio Giovanni Papini, fasc. Ivanov Venceslao).

А поговорить с некоторыми знакомыми итальянцами и побудить их к содействию — могу, поскольку Вы это одобрите: имею в виду, например, Джованни Папини, пожалуй, Бенедетто Кроче, Франческо Пастонки, академиков Формики и, может быть, Паволини, профессоров Мавера, Манакорду, Габетти, Николая Петровича Оттокара, если последний, подобно Ло-Гатто, Вами еще не приглашен [2, с. 525].

Нас не должно удивлять, что среди известных представителей итальянской академической жизни того периода первым Иванов называет Дж. Папини: достаточно вспомнить о художественном и научном значении трудов итальянского писателя для культурной жизни Италии тридцатых годов.

Джованни Папини (Флоренция, 1881 — там же, 1956) был активным деятелем литературного, философского и политического процессов в Италии начала XX в. В ранних работах он воспринимал литературу как «действие» его текстам была свойственна ораторская риторика и вызывающая интонация. Среди наиболее известных его сочинений первого периода следует назвать автобиографический роман «Конченный человек» (*“Un uomo finito”*, 1912), лирическую прозу «Праздничные дни» (*“Giorni di festa”*, 1918) и многочисленные критические заметки *“Stroncature”*.

В 1903 г. вместе с Дж. Преццолини Папини основал журнал «Леонардо», где печатался под псевдонимом Джан Фалько; утверждая духовные ценности, журнал вскоре стал одним из наиболее ярких откликов на философский и литературный позитивизм. Среди прочего Папини занимался популяризацией современных ему зарубежных метафизических течений, в частности, интуитивизма Бергсона (итальянский писатель познакомился с французским философом во время своей поездки в Париж в 1906–1907 гг.). В книге «Сумерки философов» (1907), полемизируя с идеями великих мыслителей от Канта до Ницше, он развил собственную концепцию «виталистического иррационализма», отрицающего всякую философию. Папини можно назвать активным пропагандистом модернизации итальянской культуры во имя индивидуалистической и иррациональной концепции жизни и искусства. Некоторое время он был также ре-

дактором журнала националистического толка «Королевство» (“Il Regno”) Э. Коррадини; затем, в 1912 г., возглавил редакцию журнала «Голос» (“La Voce”), основанного Дж. Преццолини с намерением привлечь маститых итальянских интеллектуалов к сотрудничеству в деле морального, политического и эстетического воспитания итальянцев. Наконец, Папини вместе с А. Соффичи в 1913 г. основал журнал «Лачерба», что представляет собой яркое свидетельство его приверженности футуризму. После вступления Италии в Первую мировую войну («Лачерба» поддерживала интервенцию Италии) флорентийский кружок, группирувавшийся вокруг журнала, распался, успев, однако, затронуть в своей деятельности старые и новые вопросы культуры, распространить некоторые сведения о зарубежных философских и художественных течениях, а также открыть дорогу некоторым заметным писателям и художникам.

В 1917 г. Папини начал подолгу бывать в Риме, где посещал Анжело Синьорелли и его жену, русскую писательницу и переводчицу Ольгу Ресневич.

В начале двадцатых годов Папини отрекся от высказываемых им ранее атеистических и антиклерикальных взглядов, обратившись к католицизму. В этот период у него вышли книги «История Христа» (1922) и «Блаженный Августин» (1928). Работа «Живой Данте» (1933) представляет собой крупнейший вклад в итальянскую литературную жизнь того времени. Папини писал также художественную прозу, романы и рассказы. Замечательна его сатирическая новелла «Гог» (1931).

В годы фашизма Папини начал отстаивать консервативные и религиозные взгляды в духе официальной культуры. Неслучайно в 1935 г. он получил должность профессора итальянской литературы в Болонском университете, а в 1937 г. был избран академиком Итальянской Академии (La Reale Accademia d'Italia). В том же году он занял пост руководителя флорентийского Института исследований эпохи Возрождения (Istituto per gli studi sul Rinascimento). В 1942 г. выступил на Веймарском конгрессе европейских писателей, защищая христианско-гуманистические ценности. По окончании войны он ослеп и был полностью па-

рализован, однако продолжал активно работать, диктуя тексты своих книг и статей. Умер в 1956 г.

Отношения В.И. Иванова с Дж. Папини представляют собой безусловный интерес для истории русско-итальянских связей: на это указывает сохранившаяся переписка между ними, а также, в целом, внимание Папини к русской культуре и русским авторам.

Представленные здесь замечания и переписка Дж. Папини с Вяч. Ивановым являются фрагментом в мозаике отношений итальянского писателя с Россией. Работа основана на исследованиях, проведенных главным образом в двух архивах. Во-первых, это архив Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме, отдел переписки с итальянцами: имя Папини представлено в переписке с Ивановым, наряду с такими именами, как, например, Этторе Ло Гатто, Бенедетто Кроче, Сибилла Алерамо и другие. В настоящее время доступно подробное описание данного архива, и его основные материалы выложены в Интернет. Во-вторых, работа велась в Fondazione и Archivio Primo Conti, Centro di Documentazione e Ricerche sulle avanguardie storiche (Fiesole). Здесь хранится архив Джованни Папини, который мы (СГ, БС) начали исследовать вместе со Джузеппиной Лароккой — в рамках проекта «Русские в Италии» (www.russinitalia.it) — с целью описания и публикации всех писем русских корреспондентов к Папини.

Архив Primo Conti содержит обширнейшие материалы и является фундаментальным ориентиром для всего, что касается российско-итальянских культурных связей первой половины XX в. Кратко опишем хранящиеся в нем русские материалы, чтобы дать представление об их масштабах². На сегодняшний день некоторые фрагменты мозаики «Папини и Россия» уже восста-

² В фонде хранится 374 документа, связанных с 26 корреспондентами Папини. Переписка охватывает период с 1904 по 1956 гг. Среди русских корреспондентов Папини фигурируют писатели, художники, историки, в том числе Евгений Ананьин, Александр Архипенко, Максим Горький, Дмитрий Мережковский, Юргис Балтрушайтис и его жена Мария, Андреа Каффи, Леонид Ганчиков, Эва Кюн-Амендола, Раиса Олькиеницкая-Нальди, Ольга Ресневич.

новлены. Переписка Юргиса Балтрушайтиса с Джованни Папини была опубликована Н. Котрелевым (ее часть уже публиковалась Ф. Мальковати в 1979 г.), также издана переписка Джованни Папини с Ольгой Синьорелли (частично — в 1978–1979 гг., полностью она опубликована Р. Вассеной в 2010 г.), а письмо Леонида Ганчикова было напечатано Стефано Гардзонио в 2015 г. Впрочем, большинство материалов архива еще не обнародовано, а целостная картина истории интеллектуальных отношений Папини с Россией пока не представлена.

Прежде чем сосредоточиться на теме «Папини и Иванов» — несколько общих слов о связи Джованни Папини с Россией.

Страсть к России проснулась в Джованни Папини рано: в юности он взахлеб читал Толстого, Тургенева, Мережковского, Достоевского³. Можно сказать, что его страсть к России проявляется в нескольких направлениях.

С одной стороны, Россия проникает в литературную ткань его произведений. Так, отголоски чтения Гоголя и Достоевского прослеживаются в таком его тексте, как *“Il tragico quotidiano”* («Трагическая ежедневность», 1906), в книге *“Parole e sangue”* («Слова и кровь», 1912), в его произведениях появляются русские персонажи, например, Сережка в рассказе *“Per nessuna ragione”* («Безо всякой причины»).

С другой стороны, Папини посвятил России значительную часть своей журналистской деятельности. Помимо сотрудничества с «Весами», он неоднократно писал на русские темы в журналах и газетах, интересовался проблемой «русской миссии» и российской политикой.

Кроме того, важно подчеркнуть, что значительную часть его работ составляют статьи, рецензии, размышления о русских писателях (в частности, о Толстом, Достоевском, Чехове, Балтрушайтисе и Шестове⁴).

³ С 1898 г. он читает Толстого, Тургенева, Мережковского, Горького, Достоевского, см.: [12, с. 130].

⁴ Здесь которых стоит назвать *“Ricordi su Baltrušaitis”* [16], *“Jurghis Baltrušaitis”* [14, с. 125–129], *“L'uomo Dostojevski”* [13], *“Teodoro Dostoevski”* [11, с. 345], *“Leone Tolstoi”* [11, с. 337], *“Vita senza miracoli di Leone Tolstoi”* [18].

Не углубляясь в данную тему, которая была отчасти уже затронута⁵, важно подчеркнуть, что в центре его размышлений находятся Толстой и Достоевский. Папини вынашивает идею, согласно которой Толстой через всеобщее отрицание пришел к осуществлению «высшего закона»:

Spirito inquieto e irrequieto <...> aveva oltrepassato tutte le stazioni possibili della vita non comune non gli rimaneva che procedere sempre più innanzi — e più innanzi c'era la negazione e l'abbandono. Ed egli negò la scienza, negò la vita sessuale, negò la lotta, negò tutto quello che egli aveva già praticamente affermato e si gettò nelle braccia di Cristo per trovare il riposo e la certezza di cui sentiva, dopo tanto scalpitare, il bisogno. G. Papini "Preghiera per Leone Tolstoj" [15, с. 441].

Перевод:

Беспокойный и суетливый ум <...>, он прошел все мыслимые этапы жизни, ему ничего не оставалось, как пойти еще дальше — а дальше было отречение и уход от мира. Он отрекся от науки, отрекся от половой жизни, от борьбы, отрекся от всего, что уже ранее утверждал в практике своей повседневной жизни, и ринулся в объятия Христа в поисках покоя и уверенности, в которых он нуждался после стольких метаний.

Для Папини биография Толстого — это «жизнь без чудес». Напротив, именно «чудо» составляет самую суть жизни Достоевского. В «Конченом человеке» ("Un uomo finito", 1912) он пишет, что в Достоевском видит «святое безумие любви к несчастным и мрачные чары душевных трагедий».

Вдохновленный очерком Андре Жида о Достоевском (1908), где автор предлагает рассматривать писателя в свете его биографии, Папини считает Федора Михайловича гениальным писателем, способным сублимировать в творчестве свою полную страданий жизнь:

⁵ См. также: [3], по указателю (с. 805).

Tutto quanto è contro di lui, tutto tende ad abbatterlo, ad impicciolirlo, ad annientarlo. Gli uomini lo condannano all'esilio, alla povertà, al lavoro frettoloso; una malattia tremenda l'assalta nei momenti migliori; il suo cervello non è rapido; la sua intelligenza non è soddisfatta e considera l'opera della sua vita come un indizio o un avanzo delle meraviglie che racchiudeva. Eppure quelle migliaia di pagine che strappa a fatica alla miseria, alle crisi, al sonno, alla disperazione, sono fra le più grandi della letteratura del mondo (G. Papini "L'uomo Dostoevski" [9]).

Перевод:

Всё против него, всё стремится его сокрушить, унижить, уничтожить. Люди обрекают его на изгнание, на бедность, на лихорадочный труд. Страшная болезнь отравляет лучшие мгновения его жизни; его рассудок медлителен; его ум не удовлетворен и видит в деле его жизни лишь приметы или отголоски тех чудес, которые в ней происходили. Тем не менее, эти тысячи страниц — которые он с таким трудом отвоевал у нищеты, у кризиса, у сна, у отчаяния — среди величайших в мировой литературе.

Внимание Папини к русской литературе проявляется и в его общении с деятелями русской литературы и культуры в Италии. Ключевой фигурой в этой среде был, несомненно, Юргис Балтрушайтис. Они встретились в 1904 г. в знаменитом флорентийском кафе "Le Giubbe rosse". По свидетельству самого Папини, Балтрушайтис, обнаружив его страсть к Достоевскому, взялся учить его русскому языку:

Vedendo la mia grande ammirazione per Dostoevskij gli venne la voglia di insegnarmi il russo e io fui lieto di avere un tal maestro. Aveva un metodo tutto suo, che si fondava sopra una singolare teoria: tra il russo e l'italiano non c'era, secondo lui, quasi nessuna differenza. Io scherzavo volentieri su codesta sua fissazione e lui, per convincermi, doveva ricorrere a complicatissimi alberi genealogici di radici e di etimi, sì da giungere a un primigenio monosillabo o bisillabo dal quale derivavano infinite variazioni, parole russe e italiane di simile significato [14, c. 155–160].

Перевод:

Видя мое восхищение Достоевским, он выразил желание учить меня русскому, и я был рад иметь такого учителя. У него был собственный метод, основанный на оригинальной теории: между русским и итальянским не существует, как он говорил, почти никаких различий. Я нередко посмеивался над его этой навязчивой идеей, а ему, дабы убедить меня, приходилось прибегать к сложнейшим генеалогическим деревьям корней и этимологий, чтобы дойти до первичных односложных или двусложных слов, от которых происходят бесконечные вариации — близкие по значению итальянские и русские слова.

Другой ключевой фигурой для Папини была Ольга Ресневич, врач, журналистка и писательница. Именно она явилась связующим звеном между Ивановым и Папини⁶.

Вячеслав Иванов и Джованни Папини

В своих мемуарах Ольга Ресневич пишет о встрече Иванова и Папини в знаменитом литературном салоне, который Ольга и Анджело Синьорелли держали на Виа Венти Сеттембре в Риме:

Ivanov riceveva assai volentieri, ma era restio a fare visite, che lo stancavano. Faceva un'eccezione con noi: sia per passare qualche ora serena fra amici sinceri, sia quando veniva qualche ospite che lo interessava. Così da me conobbe Giovanni Papini, e rimasero poi uniti da reciproca amicizia.

Nel congedarsi Ivanov dette a Papini il biglietto da visita con l'indirizzo: Prof. Vjačeslav Ivanov. “Come mai un poeta come lei mette sul biglietto il titolo di professore?” chiese Papini. “Perché sono appunto assai grato al professor Ivanov di essere qualche volta poeta”, rispose. E intendeva con questo che solo in quanto professore aveva potuto guadagnarsi il pane ed essere così poeta [10, с. 244].

⁶ О ее встрече с Папини и о переписке Ресневич с итальянским писателем см. публикацию Р. Вассены: [9, с. 129–300].

Перевод:

У себя Иванов принимал весьма охотно, но сам не был любителем наносить визиты, так как это его утомляло. Для нас он делал исключение: приходил, чтобы просто посидеть в тихом кругу сердечных друзей, или же когда у нас бывали интересные для него гости.

Так, через меня он познакомился с Джованни Папини, с которым его в результате связала взаимная дружба. При прощании Иванов дал Папини визитную карточку с адресом: «Профессор Вячеслав Иванов». «Почему такой поэт, как Вы, указывает на карточке звание профессора?» — спросил его Папини. «Потому что именно профессору Иванову я очень благодарен за возможность побыть иногда поэтом», — ответил он. Иванов имел в виду, что был в состоянии заработать себе на хлеб лишь профессорской деятельностью, которая и обеспечивала ему условия для деятельности поэтической.

О сближении Папини и Иванова вспоминает также Лидия Иванова:

В павийский период, но во время долгих римских каникул, Вячеслав душевно сблизился с Джованни Папини и познакомился с некоторыми из молодых поэтов и писателей, его окружавших во Флоренции. В журнале, который эта группа католиков издавала во Флоренции, Иль Фронтеспизио, появились статьи и несколько стихотворений Вячеслава, переведенных Папини по подстрочному переводу с русского, которого он не знал [6, с. 181].

До сих пор обнаружено недостаточно материалов, которые могли бы помочь реконструировать обстоятельства этой встречи, важной для обоих писателей. Мы не знаем точной даты встречи Иванова и Папини, но первые письма относятся к 1926 г. Иванов сообщает о своем присоединении к католической церкви, вспоминая римские беседы с флорентийским писателем. Вскоре после этого, 21 августа 1926 г., Иванов снова пишет Папини: из письма следует, что Папини пытался помочь Иванову, в том числе практически:

Одоардо Кампа написал мне, советуя мне искать от вашего имени ответственную должность (*mansione di fiducia*) в Ватикане для участия в работе, которой он занимается ввиду будущего объединения двух великих христианских церквей⁷.

Иванов выражает недоумение:

Это весьма неожиданно, и я сомневаюсь, что он точно передал вашу мысль. Несмотря на мое горячее желание совершить что-то на службе Церкви, как я могу принести пользу на этой работе, не будучи даже богословом? Я более скромн и ищ, при содействии архиепископа Леписье (*Lèpicier*) и отца д'Эрбиньи (*d'Herbigny*), место в каком-нибудь итальянском или иностранном католическом университете.

С этого момента переписка прерывается и возобновляется лишь несколько лет спустя, а именно в 1931 г., когда Папини смог прочесть перевод «Переписки из двух углов». Об этой книге Иванова Папини узнал в 1929 г. В письме от 7 апреля 1929 г. Ольга Ресневич просила Папини просмотреть ее перевод:

In maggio dovrebbe uscire da Carabba un'altra mia traduzione: una corrispondenza tra Ivanov e Gherscienson durante il periodo più feroce della rivoluzione. E poiché si tratta di una cosa a cui Ivanov ci tiene molto vorrei osare a pregarla di leggermela in bozze, di dare qualche "unghiata" e, se credesse possibile, scrivere qualche riga di parere... Ma se tutto questo non è possibile rimane immutata la mia riconoscente amicizia a Lei [9, с. 296].

Перевод:

В мае в издательстве "Carabba" должен выйти еще один мой перевод: переписка между Ивановым и Гершензоном, которая велась ими в самые лютые дни революции.

И поскольку Иванов очень ее ценит, я осмеливаюсь просить вас прочесть черновой вариант перевода, где-то внести штрих-другой и, если можно, написать отзыв в несколько строк...

⁷ Здесь и далее итальянские оригиналы переписки см. в Приложении.

Но даже если это не представляется возможным, моя признательность и дружеские чувства к Вам остаются неизменными.

Папини положительно реагирует на просьбу и сразу отвечает: “Il De Luca le avrà fatto i miei saluti e le avrà detto che aspetto con desiderio il carteggio di Ivanov” («Де Лука, наверное, передал Вам мой привет и сообщил, что я с нетерпением жду переписку Иванова» [9, с. 297]).

Мы не располагаем более определенными свидетельствами о возможном активном участии Папини в редактировании «Переписки из двух углов» по итальянски. Но о полученном большом впечатлении он делился в письме к Иванову от 1 июня 1931 г. так:

Дорогой Иванов, уже давным-давно — а именно с тех пор, как мне довелось прочитать в “Vigile” вашу переписку с М.О. Гершензоном, — я собирался вам написать, дабы выразить вам свое искреннее восхищение.

Эти ваши письма я считаю одним из величайших и глубочайших исповеданий веры в абсолютное из всех, какие мне известны, и не только из-за ценности приводимых в них рациональных доводов, но и из-за пафоса, которым они проникнуты, а также из-за убедительного и доброжелательного красноречия, которым они дышат. Их прочтение *было мне на пользу* — и весьма.

«Переписка из двух углов» задела самые глубокие чувства Папини: по своему опыту он знал, что такое «отчаяние»:

Я тоже в свое время познал отчаяние бедного больного еврея и теперь могу соизмерять с ним незыблемую красоту света.

Уже по тем нескольким беседам, которые состоялись между нами в Риме, я догадывался о масштабах вашей личности — но эти письма позволили мне лучше понять Вашу душу, и я люблю Вас еще больше.

В 1932 г. Иванов послал Папини французское издание «Переписки» со следующим комментарием:

Дорогой Папини,

Спасибо за ваше прошлогоднее письмо о «Переписке из двух углов». Оно для меня очень важно; я время от времени перечитываю его, когда чувствую потребность в духовной поддержке.

<...> Но не знаю, выражал ли я Вам когда-либо свое глубочайшее восхищение достаточно ясным образом: для меня Вы безупречный наставник во всем, даже в неистовстве; Вы образец духовного мужества, и, несомненно, крупнейший из ныне живущих итальянских писателей. Более того, каждое Ваше слово, неизменно меткое и острое, находит естественный и глубокий отклик в моем сердце и в моих мыслях.

Вы один из немногих храбрецов в эпоху шакалов, которые нагледят только в стае.

Переписка продолжается, как и непрерывный обмен текстами. Кроме того, Папини хлопочет в пользу Иванова во Флорентийском университете («Благодарю вас за любезное и действенное ходатайство за меня на факультете словесности во Флоренции», пишет Иванов к Папини 28 июля 1935 г.).

В 1935 г. Папини посылает Иванову свою книгу *“Dante vivo”* («Живой Данте», Firenze, Libreria Ed. Fiorentina, 1933) с посвящением, которое очень трогает адресата: «Великому поэту и великому христианину Вячеславу Иванову, преданный Вам Папини». Приведем заключение письма Вячеслава Иванова к Папини от 28 июля 1935 г.:

Сердечно благодарю Вас <...> за бесценный подарок — Вашего «Данте» с посвящением, достойным которого я себя не чувствую. Эта книга, которая меня воодушевила, великолепна своим анахронизмом: Вы говорите о великом флорентийце как о земляке, соседе, почти нашем современнике, и благодаря этому его портрет становится необычайно конкретным и убедительным, обретая неповторимую рельефность.

Обнимаю Вас так же сильно, как люблю Вас и восхищаюсь Вами.

Переписка продолжится через год. И снова Иванов пишет письмо в ответ на литературный подарок Папини, пославшего

ему свою «Историю итальянской литературы»⁸ (эта книга также хранится в Исследовательском центре Вячеслава Иванова и снабжена дарственной надписью: «Великому поэту и мыслителю Вячеславу Иванову с восхищением от вашего Джованни Папини»). Ответ Иванова был восторженным:

Спасибо Вам, мой дорогой друг, за прекрасный подарок. Ваша новая книга свежа, как родниковая вода [*acqua sorgiva*]. Впервые мне (и не только мне одному, а всем и каждому) выпала радость, какой я и не чаял, — прочитать историю поэзии, написанную великим поэтом.

В те же годы Иванов перевел на итальянский язык труды Соловьева и обратился к Папини за помощью в поиске издателя для переводов (письмо от 23 декабря 1937 г.):

Мне довелось заниматься подготовкой итальянского перевода двух трудов Владимира Соловьева о Любви, которые, несомненно, относятся к оригинальнейшим и важнейшим трактатам на эту тему в христианской перспективе, и которые, однако, до сих пор не переводились ни на один язык. Поэтому они остались неизвестны даже некоторым католическим писателям, которые в последнее время занимались темами любви и брака. Один из двух трудов озаглавлен «Смысл любви», другой — «Жизненная драма Платона». <...> Наверное, нелегко найти издателя, особенно для русских сочинений. Не могли бы Вы мне помочь — ведь Вы умеете преодолевать любые препятствия? Думаю, что лучше не обращаться к католическим издателям ввиду того, что у церковных цензоров — оправданно или нет — будет соблазн исказить текст такого классического автора, как Соловьев, за мистическое дерзновение некоторых его взглядов. Также нежелательно было бы связываться с издателями, которые оставят рукопись пылиться на столе на необозримо долгий срок. Но Вам самому виднее, сможете ли Вы помочь в этом деле, в том числе советом. Это действительно два гениальных очерка, к тому же актуальных и для сегодняшнего дня; обидно, если они так и останутся неизвестными, тем

⁸ *Storia della letteratura italiana*. Firenze: Vallecchi, 1937.

более, что их перевод, несмотря на бóльшую верность оригиналу, получился ясным, гладким и привлекательным для итальянского читателя.

Как известно, текст вышел лишь два года спустя, под названием «Два эссе по философии любви» (“Due saggi sulla filosofia dell’amore”) в издательстве Анджело Синьорелли (1939) в серии «Проблемы школы и жизни» (“Problemi della scuola e della vita”), редактором которой был педагог и ученик Джованни Джентиле — Луиджи Вольпичелли⁹. В предисловии Вольпичелли благодарит, помимо Иванова, Евгения Ананьина и Ольгу Дешарт, принявших участие в работе.

На этом письме 1937 г. переписка прерывается, но корреспонденты не порвали связи: Папини организует Национальную конференцию по Возрождению, на которую приглашает Иванова; в библиотеке Иванова хранятся разные книги Папини, в том числе книга “Santi e poeti”, в которой Папини писал об Иванове в очерке под названием “I sette vecchioni” («Семь стариков»):

Мы слишком мало думаем о тех немногих еще живых стариках, рожденных и взросших в тот век, что ныне кажется мертвым и далеким, как времена [папы] Льва X и Людовика Четырнадцатого. Но по-прежнему живут среди нас семеро славных сынов девятнадцатого столетия, чудом уцелевшие в сметающих всё на своем пути вихрях первой половины XX века.

Здесь Иванов упомянут в одном ряду с Гамсуном, Метерлинком, Шоу, Клоделем, Жидом, Ганди. Цитируем:

Вячеслав Иванов — поэт и мыслитель мифов. Он много лет живет в Риме, и нельзя сказать, что он у нас неизвестен. Но его не знают и не любят так, как он того заслуживает высоким полетом своей поэзии и ангельской чистотой души. Он единогласно признан величайшим из ныне живущих русских поэтов и является, пожалуй, последним ветераном символического движения последних десятилетий девятнадцатого века. Иванов — ученый-

⁹ Этому сюжету в нашем сборнике посвящено отдельное исследование: [1].

гуманист, с любовью корпевший над всеми формами греческого чуда, но прежде всего он религиозный мыслитель, обретший, под влиянием Соловьева, свой путь в Рим. Он вновь обратился — уже в совершенно христианском духе — к проблеме, блеснувшей в последние мгновения в сознании Ницше: сублимации Диониса во Христе. Но культура его слишком аристократична, поэзия слишком часто туманна, а взгляды слишком высокоумны для тех, кто не знаком с тайнами Востока и Запада. Иванов — сияющий светоч, который, однако, горит в одиночестве. Осветить он может разве что какого-нибудь благородного аскета — ценителя высокой культуры [17, р. 247–247].

После смерти Вячеслава Иванова его сын Димитрий Иванов обратился к Папини с просьбой почтить память поэта выступлением на радио¹⁰. Папини немедленно ответил письмом от 30 июля, которое воплощает его представление об Вяч. Иванове как о человеке и поэте. Цитируем:

Дорогой Иванов!

Смерть Вашего отца причинила мне самую настоящую боль. В нем я искренне восхищаюсь поэтом, христианином, ученым и мудрецом.

Я питал к нему благоговение, не умалявшее, однако, той любви и нежности, что внушали мне вся его внешность, его лицо, его доброта. Среди сладчайших воспоминаний моей жизни навсегда пребудут редкие разговоры, которые мы вели с ним.

Папини, человек, который был «недоволен дьяволом и несомненно обречен стать добычей бога», изгнанником на родине, нашел в работах Иванова и в нем самом собеседника для своей страждущей души, алкавшей света, души, одержимой поисками точек опоры.

¹⁰ Письмо Дм.Вяч. Иванова к Дж. Папини от июля 1949 г., см. также письмо от 18 октября 1950 г. (Fondazione Primo Conti, Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche di Fiesole, Archivio Giovanni Papini, fasc. Ivanov Demetrio).

Письма Вячеслава Иванова к Дж. Папини¹

1

172 via IV Fontana. Roma (5).

(presso Placidi)

11.IV.1926

Caro Papini,

La migliore risposta ai Vostri auguri e la miglior conclusione alla nostra ultima conversazione sarà, certo, la notizia che segue: al 17 marzo (giorno della celebrazione orientale del mio Santo²) mi sono unito alla Chiesa Cattolica, pronunciando la mia professione di fede davanti all'altare di S. Venceslao sulla Basilica di S. Pietro³, comunicando[mi] dopo secondo il rito greco sulla tomba di S. Pietro, ed al giorno prossimo alla Trinità de' Monti secondo il rito latino.

Questo fatto deve rimanere assolutamente segreto per gli amici e tutti gli esteri fino al primizio della mia azione; Voi siete un collaboratore dell'opera spirituale di cui il primo passo è ormai accompiuto.

Con cordiali saluti, carissimo maestro ed amico.

Il Vostro affettuoso

Venceslao Ivanov

¹ Fondazione Primo Conti, Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche di Fiesole, Archivio Giovanni Papini, fasc. Ivanov Venceslao. Все письма — автографы, кроме № 5 (машинопись, только подпись — автограф).

² 17 (30) марта православная церковь отмечает День перенесения мощей св. Вячеслава (Вацлава) в Прагу.

³ В.И. Иванов присоединился к Католической церкви по формуле В.В. Соловьева.

Roma, Quattro Fontane 172
il 21 Agosto 1926.

Illustre maestro e caro amico,

Avete ricevuta la mia letterina scritta, mi pare, nel mese d'Aprile o di Maggio? Credo di sì, poiché Odoardo Campa¹ mi scrive consigliandomi a nome Vostro "una mansione di fiducia (sic!!!)"² presso il Vaticano nei lavori da questo intrapresi in vista d'una futura riunione delle due grandi chiese cristiane. È davvero una cosa inaspettata, ed io dubito che lui renda esattamente il vostro pensiero. Malgrado il mio ardente desiderio di una azione per servire la Chiesa, come potrei contribuire a codesti lavori senza nemmeno essere un teologo? Sono più modesto e sto ricercando, aiutato dall'arcivescovo Lépiciér e dal padre d'Herbigny un incarico in qualche università cattolica italiana o straniera. Mi sarebbe una consolazione di avere qualche notizia direttamente da Voi.

Saluti.

Il Vostro affettuosissimo Venceslao Ivanov.

¹ Одоардо Кампа (1879–1965) — публицист, литератор, переводчик, получил гуманитарное образование. В 20 лет по воле родителей он переезжает в Аргентину, где остается до возвращения во Флоренцию в 1902 г. В это время знакомится с Джованни Папини по переписке. По возвращении во Флоренцию входит в группу интеллектуалов, связанных с журналом «Леонардо». Это были интеллектуалы, интересовавшиеся Россией и русской культурой, в частности, из-за присутствия русских во Флоренции (и особенно, писателя Юргиса Балтрушайтиса). С 1907 г. начинаются его путешествия в Россию. Именно в России, в Москве, он знакомится с будущей женой, Гертрудой Штединг, русской шведского происхождения. Кампа работал вместе с Папини для издательства «Карабба» (Carabba), перевел пьесы А. Чехова и Л. Толстого. Ему принадлежит заслуга в укреплении отношений между Россией и Италией, среди его проектов можно указать «Lo studio Italiano» в Москве. Кампа основал также во Флоренции ассоциацию «Друзья России». Общество по изучению славянских культур» («Amici della Russia.

Società italiana per lo studio delle civiltà slave”); о нем см.: [2, с. 307–309; 4, с. 57–59].

² Так в оригинале.

3

Pavia, Collegio Borromeo
30 aprile 1932.

Caro Papini,

La ringrazio di quella Sua lettera dell'anno scorso sulla “Corrispondenza da un angolo all'altro”¹, che mi è tanto cara e preziosa, che io rileggo di quando in quando allorché sento un bisogno d'incoraggiamento spirituale. Ed io, ingrato non Le ho risposto ancora, mentre Lei mi mandava un caro ricordo di Roma per la Pasqua e nuovamente ancora il Suo saggio su B. Croce, nel quale Lei parla della sua conversione², ciò che ravviva <?> nella mia anima le prime indimenticabili conversazioni nostre di Roma. Non so però se mai Le abbia confessato la mia entusiastica ammirazione in modo abbastanza sensibile. Lei è per me un maestro impeccabile perfino nella Sua smania, un esempio di virilità spirituale, il più grande di gran lunga degli scrittori italiani viventi. E peraltro ogni Sua parola, sempre salda ed acuta, trova uno spontaneo e profondo accordo nel mio cuore e nel mio pensiero.

Ella è uno dei pochi coraggiosi nell'epoca di sciacalli che non diventano arroganti che quanto si sanno molti.

So bene che Lei legge dei libri tedeschi; ma non so, se volentieri e senza fatica.

Nondimeno Le mando un mio saggio su l'istoriosofia di Virgilio e il mio libro sopra Dostoievski³: mi piacerebbe che Lei ne avesse conoscenza. Aggiungo l'edizione francese della “Corrispondenza” (che G. Carabba indugia a pubblicare nella sua collana “Cultura dell'anima” benché le bozze siano pronte) e, invece, della traduzione francese assai inesatta apparsa nel primo fascicolo di Vigile di quest'anno⁴, l'originale dattilografato del mio saggio sopra “la Visione del Lauro nella poesia del Petrarca”, scritto per gli Atti del Congresso di Arezzo⁵. Intanto vorrei vederlo (come pure “Virgilio”) stampato anche in Italia, e se Lei potesse raccomandarlo a una rivista che paga (ahimè! — diciamo

al “Pegaso” o all’“Antologia”, — ne sarei grato); giacché gli “Atti” non si sa quando saranno stampati. Una fortuna sarebbe anche trovare un editore altrettanto generoso quanto fu il tedesco — per il mio “Dostoievski”...

Con amichevole affetto, ammirazione e gratitudine,

Il Suo <devotissimo>

Venceslao Ivanov

¹ Имеется в виду итальянское издание «Переписки из двух углов» (1921) В.И. Иванова и М.О. Гершензона — “Corrispondenza da un angolo all’altro” (Carabba, 1932; перевод О. Ресневич с предисловием О. Дешарт).

² Имеется в виду статья “Il Croce e la croce” (“Nuova antologia”, 1 marzo 1932), посвященная книге Б. Кроче “Storia d’Europa nel secolo decimonono” («История Европы девятнадцатого века») (1932).

³ Имеются в виду работы В.И. Иванова “Vergils Historiosophie” (1931) и “Dostojewski” (Tubingen, 1932).

⁴ Переписка выходила во французском переводе в журнале “Vigile” с 1930 г. с предисловием Г. Марсея.

⁵ Работа вышла несколько лет спустя [4].

4

Roma, Corso Umb. 184. Press. Cav. Petrocchi

28 Luglio ‘35

Caro Papini,

Il “Frontespizio”¹ mi narra il Suo grave lutto. Voglio che Ella mi sappia partecipe del Suo santo dolore e della Sua preghiera.

La ringrazio del Suo generoso ed efficace intervento in mio favore presso la Facoltà di Lettere di Firenze².

La ringrazio di cuore (perdoni il lunghissimo silenzio) per l’inestimabile dono del suo “Dante”³ con una dedica di cui non mi sento degno. Il libro che mi ha entusiasmato è magnificamente anacronistico: Ella parla del gran Fiorentino da compaesano, da vicino, quasi da contemporaneo, e il ritratto acquista con ciò una concretezza e persuasività unica, un rilievo senza pari.

L'abbraccio fortunatamente come L'amo e L'ammiro.
Suo

Venceslao Ivanov.

¹ Литературный журнал католической направленности, выходивший ежемесячно во Флоренции с 1929 по 1940 г.

² Скорее всего, имеется в виду попытка Иванова получить место (incarico) во Флорентийском университете, что не получилось, по-видимому, из-за непринадлежности В.И. Иванова к фашистской партии (см.: [7, с. 70–71]).

³ Имеется в виду книга Папини “Dante vivo” («Живой Данте»), которая вышла в 1933 г.

5

61, via di Monte Tarpeo
Roma, 23 dic. 1937/XVI

Caro Papini,

porgo a Lei, alla signora e a sua gentile figlia i miei cordiali auguri di buone feste e d'un anno felice e benedetto.

La ringrazio, carissimo amico mio, del bel regalo. Il suo nuovo libro è fresco come l'acqua sorgiva. Per la prima volta mi capita la gioia non mai sperata (ma non a me solo, a tutti) di leggere una storia della poesia scritta da un grande poeta. E quanto mi diverte il tumulto strepitoso del pollaio!

Ed ora un ricordo, quanto doloroso! Un anno fa ricevevo da Piero Misciattelli gli Eremiti Senesi “con i più cordiali auguri per il 1937”¹. Non appena la di Lei perspicace ed elevata amicizia ci ha uniti, quello spirito eletto e me, oscuro e taciturno romito, colui muore, togliendomi la bella speranza di una lunga, squisita e feconda comunione.

Ecco finalmente una piccola faccenda con la quale mi permetto d'incomodarLa.

Ho avuto occasione di curare una traduzione italiana di due scritti di Vladimiro Soloviev sull'Amore che sono certamente fra le più im-

portanti e originali trattazioni su questo argomento dal punto di vista cristiano e che non sono ancora stati tradotti in nessuna lingua. Sono quindi rimasti ignoti anche ad alcuni scrittori cattolici che in questi ultimi tempi hanno trattato dell'amore e del matrimonio. Uno dei due scritti ha per titolo "Il significato dell'amore", l'altro "Il dramma della vita di Platone". Hanno press'a poco la stessa mole e prendono insieme circa 180 facciate dattilografate². Forse è una cosa piuttosto difficile di trovare ora un editore specie per cose russe. Potrebbe aiutarmi Lei, che sa superare ogni ostacolo? Credo, sarebbe bene evitare un editore prettamente cattolico per il dubbio che, a torto o a ragione, un censore ecclesiastico sia tentato di mutilare un autore classico come Soloviev, per l'arditezza mistica di certe sue vedute. E desidererei anche possibilmente evitare un editore, che lasciasse dormire il manoscritto sul suo tavolo per un tempo illimitato. Veda Lei se mi può dare un aiuto od un consiglio al riguardo. Sono due saggi veramente geniali e, per giunta, di attualità, che è peccato rimangano sconosciuti, tanto più che la traduzione, pur essendo fedelissima al testo, è riuscita limpida, attraente, scorrevole per il lettore italiano.

Ho tanto desiderio di rivederla!

Il suo affezionatissimo

Venceslao Ivanov

¹ Пьеро Мишателли (1882–1937) — итальянский литератор, медиевист, занимался мистикой францисканского движения. Его книга "Gli eremi senesi" («Сиенские скиты») вышла в свет в 1936 г.

² Имеются в виду работы В.В. Соловьева «Смысл любви» и «О жизненной драме Платона», см. в наст. ст. стр. 00.

6

Biglietto da visita <без даты> del Prof. Dott. Venceslao Ivanov dell'Almo Collegio Borromeo incaricato della R. Università di Pavia.

Письма Дж. Папини к Вячеславу Иванову¹

1

3, via G.B. Vico
Firenze
1 Giugno 1931

Caro Ivanof, da parecchio tempo — cioè da quando ho potuto leggere in “Vigile” la sua corrispondenza con M.O. Gerschenof (sic!), — avrei voluto scriverle, per dirle tutta la mia commossa ammirazione.

Quelle sue lettere sono, per me, una delle più grandi e profonde dichiarazioni di fede nell'assoluto ch'io conosca, e non soltanto per il valore degli argomenti razionali che vi sono svolti ma anche per il pathos che le impregna e per l'incalzante e affettuosa eloquenza che le anima.

Questa lettura mi ha fatto bene — molto. Anch'io, in altri tempi, ho conosciuto la disperazione del povero ebreo malato e posso, ora, misurare con lei la bellezza ferma della luce.

Nelle poche conversazioni avute con lei a Roma avevo già intravisto la sua grandezza — ma queste lettere mi fanno meglio comprendere la sua anima e l'amo ancora di più.

A che punto è il suo poema?² E quando avrò le traduzioni?

Creda alla fedele amicizia del suo

Giovanni Papini

¹ Все письма — автографы.

² Можно думать, что имеется в виду «Повесть о Светомире Царевиче». Что касается переводов, то Папини мог иметь в виду автопереводы самого Иванова.

2

3, via G.B. Vico
Firenze
4 dicembre 1936

Caro Ivanof,
le presento il mio vecchio amico e traduttore danese Dr Knud Ferlon¹, che ha grandi simpatie per la chiesa cattolica e simpatie ancora più grandi per la chiesa ortodossa. In lui combattono Occidente e Oriente.

Sarei lieto se potesse parlare con lui di questi problemi. Presto scriverò d'altre cose.

Affettuosi saluti dal suo
Giovanni Papini

¹ Кнуд Ферлон — датский переводчик и мыслитель, перевел на французский язык С. Кьеркегора.

3

Natale 1936

Al caro e grande Venceslao Ivanof gli auguri cristiani d'uno che l'ammira e gli vuol bene.

Giovanni Papini

4

Aprile 1937

Giovanni Papini affettuosamente ringrazia il grande Poeta — il Profeta orientale e latino.

Приложение III

Письмо Дж. Папини к Димитрию Вячеславовичу Иванову

Forte dei Marmi
30 Luglio 1949

Caro Ivanov,

la morte di suo Padre è stata per me vera e viva pena. Ammiravo sinceramente in lui il poeta, il cristiano, il dotto, il saggio. Avevo per Lui una venerazione che non affievoliva l'affetto e quasi la tenerezza che la sua figura, la sua persona, la sua bontà m'ispiravano. Fra i più dolci ricordi della mia vita saranno sempre i rari colloqui ch'ebbi con Lui.

Avevo già pensato di scrivere qualche pagina su Venceslao Ivanov quando mi giunse (con molto ritardo) la sua lettera.

Ma qui, fuori di casa, senza i miei libri e i miei appunti, non posso far nulla. Per scrivere degnamente di suo Padre è necessario, per me, rileggere ciò che di Lui fu tradotto.

Angioletti¹ non mi ha scritto nulla ma, in ogni modo, io non potrei parlare alla Radio perché sono, purtroppo, mezzo cieco e non riesco a legger bene ad alta voce.

Scriverò, appena mi sarà possibile, un saggio su V. Ivanov in qualche giornale importante. Voglia, per il momento, scusarmi e compatirmi. Comprendo e condivido il suo grande e giusto dolore. Non posso offrirle che la mia preghiera e il mio sincero compianto. Mi creda suo Giovanni Papini.

P.S. Neppure in agosto sarò a Firenze. S'Ella volesse mandarmi qualche scritto il mio indirizzo sarà: Villa Occhini (Firenze) Incisa Valdarno (parto di qua lunedì).

P.S. Potrebbe farmi avere un buon ritratto di V.I.?

¹ Дж.Б. Анжиолетти (1896–1961) — журналист и писатель. С 1949 г. работал на итальянском радиовещании, где вел литературную программу “L'Approdo”.

Список литературы

Исследования

1. *Ланда К.С.* Вяч. Иванов в переписке с итальянскими католическими литераторами 1930-х — 1940-х гг.: к вопросу об истории издания переводов Вл. Соловьева в Италии // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 783–819.
2. *Рицци Д.* Кампа Одоардо // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 307–309.
3. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
4. *Шишкин А.Б.* Проект Советской Академии в Риме (1924): Вяч. Иванов, А.В. Луначарский, П.С. Коган и другие // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 55–99.

Источники

5. А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов. Переписка / предисл. и публ. Дж. Малмстада // Минувшее. 1997. № 22. С. 475–538.
6. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. 431 с.
7. Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову / публ. и примеч. Стефано Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание, Наука, 2006. Т. III. С. 58–79.
8. *Ivanov V.* Il lauro nella poesia del Petrarca // Convegno petrarchesco tenuto in Arezzo nei giorni 11–13 ottobre 1931. Supplemento agli “Annali della Cattedra Petrarchesca”. Arezzo: Presso la R. Accademia Petrarca, 1936. Vol. II. P. 114–122.
9. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli / introduzione e note di Raffaella Vassena // Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени. Т. I. = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e la cultura del suo tempo. Vol. I / a cura di Elda Garetto e Daniela Rizzi. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2010. P. 129–300. (Collana di Europa Orientalis)

10. Le memorie di Olga Signorelli / introduzione e note di Daniela Rizzi // Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени. Т. II. = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e la cultura del suo tempo. Vol. II / a cura di Elda Garetto e Daniela Rizzi. Salerno: Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari — Università di Salerno, 2010. P. 137–293. (Collana di Europa Orientalis)
11. Papini G. 24 cervelli. Saggi non critici. Ancona: Puccini, 1913. 380 p.
12. Papini G. Il non finito. Diario 1900 e scritti inediti giovanili / a cura di A. Casini Paszkowski. Firenze: Le Lettere, 2005. 362 p.
13. Papini G. L'uomo Dostojevski // La Stampa. XLVI. 10. 10 gennaio 1912. P. 3.
14. Papini G. Passato remoto. 1885–1914. Firenze: L'Arco, 1948. 280 p.
15. Papini G. «Pregghiera per Leone Tolstoj» (Prima della morte) // La Voce. 24 novembre 1910, anno II, fasc. 50, p. 441.
16. Papini G. Ricordi su Baltrušaitis // La Festa. XX. 12. 23 marzo 1941. P. 145.
17. Papini G. Santi e poeti. Firenze: Libreria Editrice Fiorentina, 1948. 252 p.
18. Papini G. Vita senza miracoli di Leone Tolstoj // Corriere della Sera. LIX. 128. 31 maggio 1934. P. 3.

References

1. Landa, K.S. “Viach. Ivanov v perepiske s ital'ianskimi katolicheskimi literatorami 1930-kh — 1940-kh gg.: k voprosu ob istorii izdaniia perevodov VI. Solov'eva v Italii” [“Vyach. Ivanov in Correspondence with Italian Catholic Writers of the 1930s — 1940s: on the Issue of the History of Publishing Translations of V. Solovyov in Italy”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and materials]. Issue 4, comp. and ed. by E.A. Takho-Godi, A.B. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodolei Publ., 2024, pp. 783–819. (In Russ.)
2. Ritstsi, D. “Kampa Odoardo” [“Campa Odoardo”]. D'Ameliia, Antonella, and Daniela Ritstsi, editors. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th Century: an Encyclopedia]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019, pp. 307–309. (In Russ.)
3. D'Ameliia, Antonella, and Daniela, Ritstsi, editors. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the first half of the 20th Century: an Encyclopedia]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019. 863 p. (In Russ.)

4. Shishkin, A.B. “Proekt Sovetskoi Akademii v Rime (1924): Viach. Ivanov, A.V. Lunacharskii, P.S. Kogan i drugie” [“The Project of the Soviet Academy in Rome (1924): Vyach. Ivanov, A.V. Lunacharsky, P.S. Kogan and others”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 55–99. (In Russ.)